

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, а также Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «ГАДЖЕТ», «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Загребельного и Глеба Ханусова за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ» и «КРЕМЛЬ 2222»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Полуденное солнце зияло в небе кровавой дырой от комбинированной пули. Неважное сравнение, согласен. Но когда видишь чего-то слишком много, поневоле начинаешь узнавать увиденное во всём, что попадает на глаза. Машина неслась вперед, знакомый въедливый голос несся из динамика навигатора, сообщая, что до ближайшего поворота осталось три километра.

Андрею Краеву было всё равно — три или триста. И его абсолютно не волновало, что случится в конце этой дороги. Он был уверен — всё будет хорошо, если этого сильно захотеть.

Много ли нужно мужику для счастья? Не особо много, поверьте. Когда у тебя нормальная тачка, под рукой — хорошее оружие, а рядом с тобой сидит самая лучшая в мире девушка, то о счастье как-то и не мечтается даже. Глупо мечтать о том, что у тебя уже есть. И сейчас Андрею искренне хотелось, чтобы эта дорога не кончалась никогда.

...За поворотом шоссе на обочине стоял фургон. Недорогое авто российского производства, на котором труженики села обычно перевозят сельхозинструменты и мешки с картошкой. В меру обшарпанный,

ненавязчиво заляпанный мокрой глиной — ровно настолько, чтобы сотрудник Госавтоинспекции скользнул по нему взглядом и отвернулся: тормозить колхозника с нечитаемыми от грязи номерами — только время зря терять.

Из фургона неторопливо вышел человек в затертом охотничьем комбинезоне. На ногах кирзовые сапоги до колен, на голове — просторный и глубокий капюшон, скрывающий лицо. В руках человек держал брезентовый чехол для удочек еще советского производства. Молния чехла была немного расстегнута, так как он явно не подходил по размеру для своего содержимого — из него торчали наружу кончики двух дешевых бамбуковых удочек. Даже если бы бдительный и принципиальный госавтоинспектор и остановил эдакого персонажа, то, увидев его комбинезон и древний чехол с удочками, которые явно старше самого инспектора, без дополнительных разговоров махнул бы полосатой палочкой — езжай, мол, нищесбродище несчастное, своей дорогой, и чтоб глаза мои тебя не видели.

Тем временем человек в комбинезоне положил на капот чехол с удочками и расстегнул молнию до конца.

Две половинки чехла раскрылись, и стало видно, что кроме удочек в нем лежит длинное устройство странного вида, похожее на ружье, равномерно обмотанное кольцами толстой проволоки, к которому сверху прикреплен прибор, похожий на маленький старинный ламповый телевизор.

Взяв в руки это несуразное и явно тяжелое устройство, человек резко дернул головой назад. Ка-

пюшон упал, открыв узкое волевое лицо с внимательными немигающими глазами. Было в этом лице что-то по-волчьи хищное, неприятное, отталкивающее, вызывающее произвольное желание отвести взгляд. Вряд ли такие глаза бывают у рыбаков и сельских жителей. Скорее, они встречаются у охотников, привыкших выслеживать добычу...

Из-за поворота дороги выехал дорогой внедорожник и принялся быстро набирать скорость. Когда ты сидишь в такой машине, а перед тобой пустая дорога, грех не побаловать скоростью себя и подругу, сидящую рядом. Для многих счастье так и выглядит — машина, женщина, скорость...

Человек в комбинезоне вскинул странное устройство, нажал одну кнопку, вторую, глянул в экран «телевизора» и, удовлетворенно хмыкнув, вдавил пальцем небольшую скобу, отдаленно напоминающую спусковой крючок.

Проволока, которой было обмотано устройство, ярко засияла холодным белым светом. Меж ее колец часто и зло застрекотали крошечные молнии. Человеку в комбинезоне внезапно показалось, что воздух вокруг него стал плотным и вязким, словно пропитанным невидимым клеем, стянувшим кожу на лице и сковавшим всё тело.

Правда, это продолжалось недолго, может, долю секунды. Внезапно устройство дернулось, и человек едва не выронил его из рук. Проволока больше не сверкала, исчезли молнии, зато там, на дороге, больше не было красивой машины. На ее месте зияло нечто, напоминающее дыру в пространстве, на краях

которой потрескивали лазурные молнии. Изуродованное пространство дрожало и грозило схлопнуться обратно. Но молнии, то и дело пробегающие по краям разреза, держали его, словно электрические пальцы.

Явление было странным, пугающим и притягивающим одновременно. Человек вытянул шею, отчего его лицо стало еще больше похожим на волчью морду, прищурился, но не смог разглядеть за границей междуирья ничего, кроме серой травы и серого, свинцового неба, похожего на подвешенную в воздухе гигантскую могильную плиту.

В следующее мгновение раздался треск, хлопок — и дыра в пространстве исчезла, словно ее и не было.

— Наверно, я никогда к этому не привыкну, — усмехнулся человек, щелкая каким-то тумблером на своем устройстве, рядом с которым была прикреплена металлическая табличка с надписью: «Экспериментальный дезинтегратор пространства». — Неудобный агрегат, но идеальный для чистой работы. Тот, кто его изобрел, настоящий гений! Всё-таки иногда ученые людишки — это не только живые сосуды с кровью, но еще и мозги, которые тоже порой бывают полезными, если использовать их не в качестве деликатеса, а по прямому назначению.

* * *

Я устал.

Я смертельно устал быть кем-то.

Меченосцем с предназначением убивать всех, кто не угоден Мирозданию. Спасителем человечества.

Надеждой для других...

Когда ты постоянно спасаешь кого-то, убивая тех, от кого спасаешь, поневоле однажды задаешься мыслью — а на кой оно всё мне надо? Буду ли я когда-нибудь жить своей жизнью? Для себя, а не для кого-то?

Оказывается, особенно часто такие мысли посещают, когда кто-то убивает девушку, которая любила тебя. И которую, оказывается, любил ты. В основном понимание такого рода приходит после потери. Она к тебе льнет, а ты, сволочь такая, воспринимаешь это как должное. Даже порой кривишься высокомерно, мол, поднадоела она слегка со своей любовью.

А потом раз — и всё. И у тебя на руках ее остывающий труп. А в памяти навечно — глаза. Застывающие. Покрывающиеся прозрачным льдом смерти...

Но это еще не всё.

Ты идешь туда, где можешь вернуть ее к жизни, — и в результате оживляешь другого. Друга. Настоящего. Который просто обязан спасти свою семью. Я знаю, он их спасет. Он такой. Он всегда добывается своего...

Наверно, я поступил правильно. Как Меченосец. Спаситель других... Но отчего же тогда у меня в голове постоянно, словно надоедливый флюгер, пинаемый ветром, крутится один и тот же вопрос: «Почему ты оживил его, а не её? Почему...»

Такого рода мысли любой мужик всегда гоняет не один, а в компании. С бутылкой. Потому что иначе можно сойти с ума. А с ней — легче. И пусть это не так, пусть потом будет гораздо хуже. Но ведь когда протрезвешь и похмелье начнет разрывать голову изнутри, можно купить еще одну бутылку.

И еще одну. И еще... До тех пор, пока не закончатся деньги...

Они у меня были. Когда я выходил из Института аномальных зон, Кречетов догнал меня и сунул в карман пачку купюр.

— Зачем? — спросил я тогда. — И за что?

— Моя жизнь стоит дороже, — хмуро сказал ученый. — Но дело не в этом. Уходи из Зоны, сталкер. Нет у тебя больше ничего. Ни сверхъестественных способностей, ни личной удачи, ни предназначения. А вот недоброжелателей, жаждущих твоей крови, — море. И хотя теперь ни «монументовцы», ни «борги» до поры до времени тебя не тронут, других врагов ты себе тоже нажил немало. Поэтому уходи. Начни новую жизнь...

Я тогда не дослушал Кречетова. Повернулся и ушел. Правда, недалеко. В село Ораное, расположенное в трех с половиной километрах от КПП «Дитятки». Ценное тем, что там был кабак под названием «Второе кольцо», в котором сталкеров обслуживали вне очереди.

Раньше Ораное располагалось между Вторым и Третьим кольцом обороны, окружавшими Зону. Сейчас же от тех колец не осталось вообще ничего. Военные ушли, а местные быстро снесли столбы и разворовали колючую проволоку. И сейчас лишь жиденькое Первое кольцо, еще называемое кордонном, отгораживало мир от Зоны. Там. Далеко. В целых трех с половиной километрах отсюда.

Хозяин кабака, он же бармен по совместительству, как только увидел меня, изменился в лице. Уз-

нал. Что ж, неудивительно. Помнится, в свое время я тут у него нехило пошебуршил — вон на щеке и левой руке хозяина заведения какие значительные шрамы от собачьих зубов остались. Но мне было плевать на то, что там думает обо мне этот усатый любитель кормить клиентов собачатиной. Мне нужно было перестать думать. И я заказал первую бутылку...

Опустела она довольно быстро. Когда тебя так кроет, водка идет как вода. Даже без закуси. Есть не хотелось, да и не стал бы я заказывать жратву в этом заведении, где в соседнем помещении специально откармливают собак на жаркое. Наверно, и водяру в этом кабаке тоже пить не стоило, но сейчас мне было нужно просто забыться.

И я заказал вторую бутылку.

Со второй мне слегка полегчало. Столы, барная стойка, головы мутантов, развешенные на стенах, потеряли четкость очертаний, словно я смотрел на них через мутное стекло. И мысли в голове тоже сделались расплывчатыми, скользкими, не царапающими душу и сердце. Не сказать, что хорошо мне стало, а как-то похрен на всё. Хотя я немного удивился, почему это в кабаке так резко исчезли все посетители. Кроме троих, которые сейчас хором направлялись ко мне, беря в кольцо. А еще за стойкой бара стоял хозяин ресторана, нехорошо скалясь и баюкая в руках короткоствольный охотничий помповик.

Несмотря на то что я довольно основательно нализался, ситуацию оценить всё-таки смог. Невеликий труд для сталкерского мозга, даже отравленного алко-голем. Как говорится, опыт не пропьешь. Стало быть,

хозяин «Второго кольца» решил поквитаться со мной за прошлое. Но сразу заняться разборками не рискнул. Подождал, пока я как следует нажрусь. Потом потихоньку избавился от посетителей и сейчас готовился к вожделенной мести, на всякий случай держа в руках страховку от непредвиденных обстоятельств двенадцатого калибра.

На стол передо мной грохнулись два огромных кулака.

Я с усилием поднял глаза. Ага, знакомая рожа. Повар этого заведения. Помнится, этого кабана я запер в загоне с псами, предназначенными на убой. Если мне память не изменяет, раньше у этого пузатого здоровяка было три подбородка. Теперь — ни одного, только неровные бугры розоватого мяса на том месте. И вместо рта криво скроенная дырка. Короче, под носом у повара какая-то жуткого вида пластика была наворочена. Похоже, собачки своему палачу нижнюю часть морды отгрызли. Вот интересно, а ко мне-то какие претензии? Не я ж отгрыз...

Мои лениво-пьяные мысли прервал громогласный рёв повара:

— Ну всё, сучара поганая, писец тебе настал!

Один из кулаков оторвался от стола и уехал назад. Ну ясно зачем. Чтоб в лицо меня ударить. А я этого очень не люблю, даже в поддатом виде. Поэтому, чисто чтоб не портить себе пьянку, я дернул рукой с зажатым в ней стаканом, содержимое которого щедро плеснуло в щекастую рожу.

Водка в лицо — это всегда шок. Особенно если в глаза и в ноздри попадет. А я, похоже, не промахнулся.

Мордатый хрюкнул, задохнувшись спиртным, но удар кулака это не остановило. Хотя значительно ослабило. Думаю, если б повар мне со всей дури в нос зарядил, от него б только мокрое место осталось. А так он просто взорвался болью, которая знатно такшибанула по мозгам, выбив из них алкогольный туман, который мгновенно сменился звериной яростью.

Я как-то сразу понял, чего мне не хватало и зачем я на самом деле притащился в этот кабак, где меня совершенно точно никто не любит. Вот за этим самым. За яростью, которая разом затмевает всё — и горе, и дурные мысли, и пьяный угар, которым очень многие мужики глушат негативные эмоции. За всплеском ненависти пришел я сюда, что словно выброс в Зоне сметает всё на своем пути...

На верхнюю губу плеснуло горячей кровью, во рту стало солоно, но это лишь добавило энергии тому всплеску. Схватив за горлышко недопитую бутылку, я со всей силы саданул ею по голове повара, ощутив при этом ладонью хруст трескающегося стекла, а может, и черепа, по которому пришелся удар.

Повар хрюкнул вторично, закатил глаза и сполз под стол. Но оставались еще двое. Которые, увидев такое дело, практически одновременно выхватили из карманов складные ножи.

Хорошо выхватили, правильно. Рывок, щелчок — и в руках у крепких парней полностью готовые к работе «викториноксы». Грамотно продуманные туристические ножики с резучими десятисантиметровыми клинками, специально сконструированными для открытия одной рукой. Ну да, здесь же уже не Зона, где